Ленинградская Правда-Ленинград
16
20 НОЯ. 40 6

К 30-летию СО ДНЯ СМЕРТИ Л. Н. ТОЛСТОГО

ГЕНИЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ленин о Толстом

Сложность мировоззрения и творчества Толстого не раз ставила втупик критиков и исследователей-литературоведов. Пытаясь уложить колоссальное наследие Толстого в рамки различного рода убогих схем, либерально-буржуазная критика выдвигала напыщенные формулы о Толстом, как «великой совести», «великом богоискателе», «цельной личности» и т. п. Лицемерие и пустота либеральной декламации о Толстом особенно проявились в многочисленных статьях 1908 года по поводу 80-летия Толстого.

В обстановке казенного лицемерия легальной русской прессы, как выстрел, прозвучала напечатанная в большевистской газете «Пролетарий» ленинская статья «Лев Толстой, как зеркало русской революции».

Предвидя неожиданность этого тезиса для читателей, Ленин в начале своей статьи писал: «Сопоставление имени великого художника с революцией, которой он явно не понял, от которой он явно отстранился, может показаться на первый взгляд странным и искусственным». В самом деле, известно, что при всей ненависти Толстого к русскому самодержавию, он отвергал революционные методы борьбы, противоречащие его учению о «непротивлении злу». Однако в своей трактовке исторического значения Толстого Ленин исходил из сложности русской революции. «...Среди массы ее непосредственных совершителей и участников, — писал Ленин, — есть много социальных элементов, которые тоже явно не понимали происходящего, тоже отстранялись от настоящих исторических задач, поставленных перед ними ходом событий. И если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях».

В литературе о Толстом обычными были попытки сгладить противоречия его мировоззрения и творчества, подменить сложность его взглядов какой-либо «примиряющей» эти противоречия концепцией. Ленин же, применяя к анализу творчества Толстого диалектический подход, обнаруживает в произведениях, взглядах и учениях великого художника кричащие противоречия. «С одной стороны, беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс; с другой стороны, — юродивая проповедь «непротивления злу» насилием».

Противоречия во взглядах Толстого Ленин оценивает как выражение противоречий русской жизни последней трети XIX века. Утверждая, что «Толстой смешон, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества», Ленин в то же время подчеркивал: «Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России». Как художник, отразивший особенности крестьянства в русской буржуазной революции, Толстой отразил не только наболевшую ненависть крестьянства, не только стремление разрушить до основания всю систему российского самодержавия, но и недостатки этого движения.

Свои взгляды на Толстого, как на художника, отразившего в своем творчестве силу и слабость, мощь и ограниченность крестьянского массового движения, Ленин развил в целом ряде статей: «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение», «Л. Н. Толстой», «Толстой и пролетарская борьба», «Л. Н. Толстой и его эпоха». Ленин отметил, что писатель «сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе».

В статье «Л. Н. Толстой» Ленин выразил мнение всего русского пролетариата, откликнувшегося на смерть великого художника антиправительственными забастовками и демонстрациями.

Раз'яснение сущности творческого наследия Толстого Ленин считал в эти годы весьма важной задачей. Интересно отметить, что его статья «Л. Н. Толстой» в корректуре была озаглавлена «Значение Л. Н. Толстого в истории русской революции и русского социализма». Ленин, с гениальной чуткостью вождя большевистской партии, сумел отметить в творчестве Толстого то, что помогало в революционной борьбе,—толстовское обличение, толстовский критицизм. В то же время он показал, что всякая попытка идеализации учения Толстого, его проповеди аскетизма и всеобщей «любви», приносит самый непосредственный вред для пролетариата. И когда меньшевики-ликвидаторы после смерти Толстого начали, вслед за либералами, пропагандировать значение Толстого как «великой совести», т. е. идеализировать как раз его ложные стороны, Ленин гневно заклеймил потресовских ратников в статье «Герои «оговорочки».

Ленинская критика Толстого явилась результатом глубочайшего проникновения не только в основы мировоззрения и творчества художника, но и в тайники его психологии. Концепция Ленина выросла на тщательном анализе всего написанного Толстым. От внимания Ленина не ускользнул, например, рукописный, нелегально распространявшийся в свое время экземпляр «Крейцеровой сонаты», откуда он заимствует цитату, отсутствовавшую в легальных изданиях этого произведения. Ленин находит нужную ему формулировку об отношении Толстого к революции и в предисловии писателя к альбому Н. Орлова «Русские мужики». Ленинский анализ настолько точен и глубок, что появившиеся впоследствии материалы лишь подтверждают его. Ленинская точка зрения на Толстого, как на выразителя настроений русского крестьянства, в настоящее время может быть проиллюстрирована признаниями самого Толстого, такого, например, характера: «Я во всей этой революции (1905 года. — **Б. М.**) состою в звании добро- и самовольно принятого на себя адвоката 100-миллионного земледельческого народа. Всему, что содействует или может содействовать его благу, я сорадуюсь; всему тому, что не имеет этой главной цели и отвлекает от нее, я не сочувствую». (Из письма к В. В. Стасову).

Задолго до появления в печати многих автобиографических признаний Толстого, Ленин вскрыл присущую писателю постоянную внутреннюю борьбу. В основе ее было непримиримое противоречие между трезвым пониманием закономерности революционной ломки существующего порядка и невозможностью реального осуществления предлагавшихся Толстым иных, утопических методов изменения действительности. Толстой пытался создать своим учением внутреннюю «гармонию». Но эта «гармония» рассыпалась вдребезги под натиском суровой действительности. Реальными оставались лишь толстовский протест и толстовское отчаяние.

Несмотря на ложность учения Толстого, в его критике существовавшего строя много близкого пролетариату. Одной из особенностей Толстого, высоко ценимой Лениным, было резкое разоблачение лживости и фальши русского либерализма. Реалистический метод Толстого, «срывание всех и всяческих масок», беспощадное разоблачение шаблонной фразы, совлечение «поверхностнейшей внешней видимости» с «героев» самодержавной России — приводит читателя к пути, отвергнутому Толстым, — к пути революционной борьбы и революционного гуманизма.

Б. МЕЙЛАХ

ПИСАТЕЛЬ ЗА РАБОТОЙ

(БЕСЕДА С БЫВШИМ СЕКРЕТАРЕМ Л. Н. ТОЛСТОГО, ПРОФЕССОРОМ Н. Н. ГУСЕВЫМ)

В Ясной Поляне я прожил около двух лет. Все это время я работал в качестве секретаря Льва Николаевича, вплоть до моего ареста — 4 августа 1909 года. Мне инкриминировалось «распространение недозволенных книг», т. е. сочинений Толстого. За это я был выслан на два года в Чердынский уезд Пермской губернии.

Мне часто задают вопрос: как работал Толстой? Обычно он писал с утра до 2—3 часов дня. Писал сам, часто на клочках бумаги. На полях рукописи нередко делал разные заметки. Письма и статьи он иногда диктовал. Но художественных произведений — никогда. После занятий, часа в три он либо гулял, либо ездил верхом. На шоссейной дороге, которая проходила на расстоянии одной версты от Ясной Поляны, он часто встречался со странниками, вел беседы с крестьянами, нищими, от которых заимствовал их сочный язык, народные поговорки.

Свои творческие замыслы Толстой долго вынашивал. Иногда между замыслом и его осуществлением проходило несколько лет. Упоминание о сюжете «Анны Карениной» мы встречаем в записках жены писателя от 24 февраля 1870 года. А роман был начат лишь через три года. Процесс обдумывания своего будущего сочинения был для Толстого труден и мучителен.

Потом начиналась не менее трудная работа — исполнение замысла. Работая над «Войной и миром», Толстой изменял и выкидывал не только отдельные слова и строки, но и целые страницы уже набранного текста. Редактор и издатель романа Бартенев, выражая по этому поводу недовольство, писал ему: «Вы бог знает что делаете. Этак мы не кончим поправок и печатания. Ради бога, перестаньте колупать». Но Толстой не унимался. «Не марать так, как я мараю, — ответил он ему, — я не могу, и твердо знаю, что марание это идет на великую пользу... То именно, что Вам нравится, было бы много хуже, ежели бы не было раз пять перемарано».

Роман «Воскресение», за который синод отлучил Толстого от церкви, писался с перерывами в продолжение десяти лет и прошел шесть редакций. О кропотливом труде над этим произведением свидетельствуют сохранившиеся около 5.300 листов рукописей, больше 1.500 корректурных гранок, испещренных его поправками. Иногда Лев Николаевич сам с большим трудом разбирал исправленные его же рукой гранки, до того они были перечеркланы и измараны.

Своих героев Толстой часто писал с живых людей, собирая в одном определенном типе черты многих. О прототипе своей главной героини из «Войны и мира» Наташи Ростовой писатель говорил: «Я взял Соню, перетолок с Таней, и вышла Наташа».

Отличительная черта гениального художника — быть до последней мелочи верным действительности во всем, что им писалось. В процессе работы над «Воскресением» он не только изучал по книгам быт арестантов, но и старался лично ознакомиться с ним. Он посетил Орловскую тюрьму. Чтобы верно описать шествие арестантов, отправляемых в Сибирь, по городу на вокзал, Толстой, узнав время отправления очередной партии, ждал у Московской Бутырской тюрьмы ее выхода и сделал с ней весь путь до вокзала.

После смерти Льва Толстого Владимир Ильич писал: «Умер Толстой, и отошла в прошлое дореволюционная Россия, слабость и бессилие которой выразились в философии, обрисованной в произведениях гениального художника, но в его наследстве есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему. Это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат».

Запрещенный и нелегальный в царской России, Лев Николаевич Толстой печатается теперь на 54 языках народов СССР.

„Толстой это целый мир“

Толстой, как человек и художник, всегда стоял в центре творческого внимания Горького. Личность Толстого, по мнению Горького, наиболее полно воплощала национальные черты русского человека, сформированные многовековой русской историей. Горький писал: «... Толстой глубоко национален, он с изумительной полнотой воплощает в своей душе все особенности сложной русской психики: в нем есть буйное озорство Васьки Буслаева и кроткая вдумчивость Нестора Летописца, в нем горит фанатизм Аввакума, он скептик, как Чаадаев, поэт не менее, чем Пушкин, и умен как Герцен — Толстой это целый мир».

Горький утверждал, что все эти свойства Толстого, человека и художника, возникли как результат его крепчайшей связи с народом, глубочайшего проникновения в историю народа. «Сам он, — говорил Горький о Толстом, — ... материал для будущего романиста».

В сущности, воспоминания Горького и являются гениальным наброском романа о Толстом. Образ «старого кудесника» — прекрасного, могучего, как бы наделенного неограниченной властью над силами природы — будто выхвачен Горьким из народных сказок. Несомненно, что образ Толстого, каким он сформировался в сознании Горького во время личных встреч с писателем, сопровождал его всю жизнь и являлся одним из подтверждений и оправданий знаменитой горьковской фразы о гордом звучании слова «Человек». «Видеть Льва Николаевича — очень важно и полезно, хотя я отнюдь не считаю его чудом природы. Смотришь на него и ужасно приятно чувствовать себя тоже человеком, сознавать, что человек может быть Львом Толстым. Вы понимаете? — за человека вообще приятно».

Преклоняясь перед величием Толстого, — этого «колоссального человека»,— Горький далеко не все одобрял и принимал в нем. Особенно чуждо было для него желание Толстого «пострадать», сделаться «святым угодником».

Исключительное место в писательской судьбе Горького занимает художественное творчество Толстого. С сочинениями Толстого Горький познакомился еще будучи учеником иконописной мастерской.

С первыми суждениями о Толстом Горький выступил в середине 90-х годов. По всему чувствуется, что он тогда переживал свою «первую любовь» к Толстому. К началу 900-х годов Горький, успевший завоевать себе место в ряду крупнейших и известнейших писателей мира, уже довольно решительно заявляет о недостатках реализма Толстого. Эти недостатки критикуются с точки зрения общих перспектив развития современного искусства. Нельзя было определить эти перспективы, не определив исторического развития русской литературы, ее важнейших этапов. Так возник замысел «истории русской литературы» Горького. Совершенно понятно, что в этой истории Горький должен был уделить Толстому исключительное внимание. Его творчество рассматривается Горьким как итог русской литературы XIX века.

Горький показывает, что многие идеи, темы и образы, прошедшие через всю русскую литературу XIX века, в творчестве Толстого получили свое завершение. Центральный образ — человек, не нашедший, но ищущий свое место в жизни. «Основной темой художественного творчества Толстого, — пишет Горький, — является такая задача: как найти в хаотической русской жизни удобное место хорошему русскому барину Нехлюдову? Иными словами — гр. Толстой ищет место для гр. Толстого, ибо Нехлюдов, Левин, Иртеньев, Оленин — все это портреты автора, этапы его духовного развития».

Герой Толстого очень мало похож на «лишнего человека», например, на Рудина. Однако происхождение у них общее. Левин, как и Рудин, — лучший представитель «той части дворянства, которое явилось у нас родоначальником и творцом культуры».

Поставив перед собой задачу найти во что бы то ни стало место и дело своему герою в русской жизни, Толстой предъявил к нему особенно строгие требования. Чтобы утвердить его на родной почве, Толстой должен был провести своего героя «по всем путям русской жизни», столкнуть «со всеми ее явлениями».

«60 лет ходил по России князь Нехлюдов, заглядывая всюду: в деревню и сельскую школу, в Вяземскую лавру, в канцелярии губернаторов, на постоялые дворы и в гостиные аристократических дам.

60 лет звучал суровый и правдивый голос, обличавший всех и все, он рассказывал нам о русской жизни почти столько же, как и вся остальная наша литература.

Историческое значение работы Толстого уже теперь понимается как итог всего пережитого русским обществом за весь XIX век, и книги его останутся в веках, как памятники упорного труда, сделанного гением; его книги — документальное изложение всех исканий, которые предприняла в XIX веке личность сильная, в целях найти себе в истории России место и дело» (Горький).

Размах, глубина и социальная направленность творчества Толстого связаны с особенностями его позиций в общественной жизни России второй половины XIX века. По рождению, воспитанию и общественному положению Толстой принадлежал к дворянскому классу. Но наблюдая, изучая действительность с вниманием гениального художника, он увидел неправоту своего класса и стал на сторону крестьянской массы. Однако, с огромным пафосом защищая интересы крестьянства, Толстой одновременно стремился спасти лучших людей из дворянства, оздоровить их путем «опрощения» и слияния с крестьянским миром. Именно поэтому в произведениях Толстого, отражавших мысли и настроения патриархального крестьянства, главным героем является дворянин, решительно уходящий от своего класса.

Итак, между социальной направленностью Толстого (защита крестьянских интересов) и тематикой (преимущественное описание дворянства) существовало противоречие. Толстой остро чувствовал его. «...Ясно понял, — читаем мы в дневниковой записи Толстого 5 декабря 1895 года, — отчего у меня не идет **Воскресенье**: ложно начато. Я понял это, обдумывая рассказ **Кто прав?** (о детях). Я понял, что надо начинать с жизни крестьян, что они — предмет, а то — тень, то — отрицательное. И то же понял о **Воскресеньи**».

И все-таки жизнь крестьян не оказалась в центре прославленного крупнейшего романа Толстого. Не оказалась потому, что это влекло за собой одно из двух последствий, одинаково неприемлемых для Толстого. Избрать в главные герои крестьянина, подобного Каратаеву, Толстой не мог, потому что это привело бы к потере пафоса отрицания — решающей силе творчества Толстого. Избрать в главные герои крестьянина, который бы вполне выдержал этот пафос, Толстой не мог потому, что такой крестьянин неизбежно пришел бы к революции. Толстой искренно сожалел, что «русский народ необычайно быстро «научился делать революцию».

Чтобы показать во весь рост людей, «умеющих делать революцию», нужен был другой художник. Таким художником явился Горький.

Б. БУРСОВ

Зеркало русской революции

Разговаривая однажды с А. М. Горьким о Л. Толстом, Владимир Ильич Ленин воскликнул: «Какая глыба, а? Какой матерый человечище! Вот это, батенька, художник... И, — знаете, что еще изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было».

Принадлежавший по рождению и воспитанию к высшей помещичьей знати, великий русский писатель порвал со своей средой и заговорил потрясшим весь мир голосом многомиллионного русского крестьянства. Окончательное превращение графа в мужика произошло в начале 80-х годов прошлого столетия. Но уже с самого начала своей литературной деятельности Толстой выступил с глубокой и очень своеобразной критикой породившей его среды. В центре его внимания была, однако, сначала не сама социальная среда, а отдельная человеческая личность. Анализируя свое собственное сознание и сознание близких к нему по воспитанию людей, Толстой обнаружил в умах и чувствах людей своего круга типические пороки «высшего» общества: тщеславие, самолюбование, ложь, притворство, пренебрежение ко всем, кто не принадлежит к аристократической верхушке.

Разоблачая эти психологические свойства аристократической среды, Толстой не щадил и себя. С беспощадной строгостью разбирал он в своих дневниках каждый свой шаг и поступок в самых обыденных словах и поступках видел те же пороки, скрытые или явные. Так при помощи самоанализа Толстой очищал себя от этих пороков, а вскрывая изнанку поступков, мыслей и побуждений окружавших его людей, он выступал как обличитель лживости и тщеславия, скрытых под маской условных форм светской жизни и светского мышления.

Сокрушительная сила толстовского психологического анализа проявилась особенно ярко, когда он от картин будничной жизни русской знати перешел к событиям общественного значения и общегосударственного масштаба. В «Севастопольских рассказах» Толстой показал ничтожество высшего офицерства, занятого на войне угождением своему тщеславию, честолюбивыми заботами и мелкими помыслами. Он не увидел у них ни доблести, ни истинного патриотизма. Зато он увидел все это у людей, близких к народу, и, прежде всего, у самого народа, у рядовых солдат.

«Велика моральная сила русского народа, — писал Толстой в своем севастопольском дневнике. — Чувство пылкой любви к отечеству, восставшее и вылившееся из несчастной России, оставит надолго следы в ней».

В гениальной национально-исторической эпопее «Война и мир» Толстой ставит вопрос о народе с еще большей определенностью и силой. Народ теперь у Толстого не только воплощение лучших нравственных и гражданских качеств, народ — это творец истории. Герой Толстого — народная масса; она совершала незаметные подвиги, она боролась с истинным величием, но без показного блеска, и завершала свой исторический подвиг правдиво и просто, не кичась и не рисуясь. Поэтому с точки зрения Толстого исторической науке следует «оставить в покое царей, министров и генералов, а изучать бесконечно малые элементы, которые руководят массами».

Лучшие люди из аристократии, люди с горячим умом и нравственным чувством, как Пьер Безухов, тяжелым путем самосовершенствования приближаются к строю взглядов и настроений простого народа и учатся у него мудрым законам массовой, «роевой» жизни. Образ человека, не удовлетворенного испорченной формальной и лживой жизнью высших классов, стремящегося найти смысл существования в приближении к народу, становится любимым образом Толстого. Он отражает собственные идейные искания писателя, его тяготение к народу, его стремление вырваться из круга людей, которые образуют «высшее» общество и потому стоят на низшей ступени нравственного развития.

Отвращение к жизни господствующих классов и тяготение к народу усиливаются у Толстого в 70-х годах. Константин Левин, герой «Анны Карениной», не может быть спокоен, не может жить, не усвоив всех моральных понятий крестьянства, не приобщившись к крестьянскому труду. Только в этом находит он душевное успокоение и мир с самим собою. Что же касается высших классов, то в «Анне Карениной» их жизнь представляется Толстому не только лживой и искусственной, но и ужасной в своем бездушии и эгоизме. Представитель высшей правящей бюрократии Каренин обрисован Толстым как человек-автомат, как бездушная машина; редкие проблески человеческих чувств не могут изменить страшного существа его натуры. Если в эту бездушную среду попадет человек с дарованием и сердцем, он обречен и должен погибнуть, как гибнет героиня толстовского романа.

Превосходно изучив быт деревни, Толстой видел, что крестьянство голодает, вымирает и разоряется под воздействием развивающегося капитализма. Крестьянство не может противостоять нашествию капитала; лучшие земли находятся в руках помещиков; крестьяне вынуждены бросать свои жалкие клочки земли и устремляться в город на заработки. Эта ломка всех старых устоев деревенской жизни обострила толстовский протест, довела его до высшего напряжения. К началу 80-х годов даже левинский выход уже недостаточен для Толстого: он не может чувствовать себя правым, оставаясь помещиком. Он приходит к полному отрицанию помещичьего землевладения и поднимает бунт против всех разорителей крестьянства: помещиков, фабрикантов, чиновников, против царя, против буржуазно-помещичьего самодержавного государства и его служанки — официальной церкви. Граф становится бунтовщиком, выразителем крестьянского революционного протеста, «зеркалом русской революции», по гениальному определению В. И. Ленина. Но Толстой отразил не только силу крестьянского протеста: наболевшую ненависть к угнетателям и желание избавиться от гнета. Он отразил также слабость крестьянского движения в период подготовки первой русской революции.

«Толстой отражает их настроение так верно, — пишет В. И. Ленин, — что сам в свое учение вносит их наивность, их отчуждение от политики, их мистицизм, желание уйти от мира, «непротивление злу», бессильные проклятия по адресу капитализма и «власти денег».

Последователи Толстого ухватились именно за эти слабые и вредные, «христианские» стороны его учения, оказавшиеся в полном противоречии с жизнью. Но гениальному художнику было тесно в рамках созданной им юродивой «теории» непротивления злу, и он не раз выходил за ее пределы, вступая в борьбу с самим собою.

Наглядный пример того, как Толстой в своих художественных произведениях отрицает «непротивленчество», можно видеть в «Воскресении». Толстой-проповедник велит в этом романе прощать своих врагов, но в то же время он сам ничего не прощает господствующим классам, он говорит уже не об их бездушии и эгоизме, а о прямой их преступности, о том, что каждый их шаг, каждое проявление их жизни губит тех людей, чьим трудом и потом они кормятся. Устами Нехлюдова он так говорит, например, о царском суде: «Суд, по-моему, есть только административное орудие для поддержания существующего порядка вещей, выгодного нашему сословию».

С горячим плебейским негодованием рисует он в том же романе портреты царских чиновников: «Как их много, — восклицает он, — как ужасно их много, и какие они сытые, какие у них чистые рубашки, руки, как хорошо начищены у всех сапоги, и кто это все делает? И как им всем хорошо не только в сравнении с острожными, но и с деревенскими».

Правящая клика вызывает в нем злобу, смешанную с ужасом: «Я просто боюсь их. И действительно люди эти страшны. Страшнее разбойников. Разбойник все-таки может пожалеть — эти же не могут пожалеть: они застрахованы от жалости, как эти камни от растительности. Вот этим-то они ужасны».

Толстой осуждал революционные методы борьбы и в то же время не мог подавить в себе сочувствия к революции и революционерам. Переписывая начало одного из последних произведений Толстого, жена писателя С. А. Толстая внесла такие строки в свой дневник: «И, вероятно, дальше будет опоэтизирована революция, которой, как ни прикрывайся христианством, Л. Н. несомненно сочувствует».

В 1902 году В. Г. Короленко рассказал Толстому об аграрных волнениях на Украине, о том, что крестьяне захватывают помещичьи экономии, делят помещичий инвентарь и запасы зерна. Прослушав эти известия, как свидетельствует Короленко, «Толстой сказал с видимым полным одобрением:

— И молодцы!..

Я спросил:

— С какой точки зрения вы считаете это правильным, Лев Николаевич?

— Мужик берется прямо за то, что для него всего важнее. А вы разве думаете иначе?».

Отрицая основы помещичье-капиталистического строя, Толстой не обошел своей критикой также науку и искусство. Распространено мнение, будто Толстой пришел к полному отрицанию научной и художественной деятельности: на самом деле Толстой отвергал не всякую науку, а науку буржуазную, апологетическую по отношению к современному общественному строю. Он обличал буржуазных ученых в равнодушии к насущным интересам народа. Он разоблачал классово-корыстные стремления буржуазных ученых, «которые заняты только тем, чтобы под видом научных исследований доказывать, что существующий строй жизни, выгодами которого они пользуются, есть тот самый, который должен существовать».

Точно так же не отрицал Толстой и искусства. Напротив, он считал искусство одним из важнейших дел человечества, орудием общения людей, средством передачи чувств. Содержание искусства было тем выше для Толстого, чем шире и значительнее круг чувств, им передаваемых. Поэтому Толстой утверждал, что искусство господствующих классов неизбежно должно быть ниже по содержанию, чем искусство народное, так как «круг чувств, переживаемых людьми властвующими, богатыми, не знающими труда поддержания жизни, гораздо меньше, беднее и ничтожнее чувств, свойственных рабочему народу».

Толстой призывал к обновлению искусства путем возвращения ему великого свойства всенародности. Он понимал, что ожидаемое возрождение искусства может произойти только в условиях такого строя, когда хозяином всех жизненных благ станет трудящийся народ. Тогда, предсказывал Толстой, «ценителем искусства вообще не будет... отдельный класс богатых людей, а весь народ». Эти слова Толстого особенно полно и выразительно звучат в наши дни и в нашей стране.

Творчество Толстого имело огромный резонанс не только в России, оно стало фактом всемирного значения. Французский писатель Марсель Прево сказал: «Ни одно почти произведение французской литературы не было бы именно тем, что есть, если бы не было Толстого. Этот великий писатель — громадный факт во французской литературе». То же самое можно сказать о любой литературе мира. Международное влияние Толстого — это международное влияние русской революции. «Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, — писал В. И. Ленин, — выступила благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества».

Г. БЯЛЫЙ